

Глава 30 Потерпи немного

Двадцать пятого числа четвертого месяца шестого года эры Шэндэ, когда до праздника Манчжун оставалось всего несколько дней, Армия Чжэньбэй наконец миновала западные склоны гор Тайхан. Стоило им оставить позади вздыбленные пики высокогорья, как взору открылся бескрайний простор: горы больше не застили горизонт, и взгляд мог уноситься в невообразимую даль.

Едва переправившись через Хуанхэ, они окажутся в пределах области Юйчжоу, а там и до Чэньлю рукой подать.

На карте это расстояние казалось ничтожным, однако нрав Хуанхэ переменчив — на каждом участке её течение имело свою силу. Чтобы найти место для спокойной переправы, войску пришлось сделать изрядный крюк.

Но когда пройдено девяносто девять шагов, стоит ли страшиться последнего? Увидев блеснувшую вдали гладь реки, воины облегченно выдохнули, а не затаили дыхание в тревоге.

Лодки подготовили загодя: разобранные на части, их везли в обозе, чтобы собрать прямо на берегу. В этом и заключалось преимущество деревянных конструкций — простота деталей позволяла не опасаться, что потеря одной-двух сорвет всё дело.

Пока солдаты суетились, Сяо Жун высунул голову из повозки. Широкая река искрилась под солнцем; мутные воды, как и тысячи лет назад, неслись в вечном безмолвии. И через тысячу лет они будут течь так же.

Всё, что охватывал его взор, было даром этой великой реки. Обширные аллювиальные равнины, раскинувшиеся к северу от реки Хуай, охватывали почти все крупные города этих земель. Здесь была колыбель цивилизации, истинная родина всех жителей Чжуньюаня.

Однако процветание здесь всегда соседствовало с погибелью. Эти земли были благодатны, но коварны: разливы рек стали притчей во языцех, а смена русла была страшнее великого снегопада тридцатилетней давности. Пред лицом такой стихии человек был бессилен. К счастью, Сяо Жун знал: в ближайшие пять веков природа будет милостива. А что случится через пятьсот лет... кто знает, какой облик тогда примет Чэньлю?

Укреплять дамбы, заготавливать мешки с песком, просвещать народ о способах спасения — вот предел его возможностей. Он не мог бросить столь плодородные земли из-за страха перед стихией, как не могли и люди оставить свои корни и бежать в никуда. Человек на диво стоек; живя в столь суровую эпоху, эти люди научились выживать. Если они выстояли в пламени войн, то найдется ли сила, способная их сломить?

Переправившись через реку, Армия Чжэньбэй вступила в земли Гуанчэна. Здесь влияние северян было еще зыбким. Хотя земли до самой Хуанхэ формально и принадлежали Великому вану, границы не были проведены чертой. Область между реками Хуай и Хуанхэ была самой густонаселенной и богатой; люди здесь не спешили признавать власть Севера, но и не поносили его, подобно южанам. Они замерли в ожидании, приглядываясь к новым хозяевам.

Когда двор Юн бежал на юг, за ним последовали лишь те великие кланы, что жили в Чанъани или на далеком севере вроде Пиньяна — там, где варвары могли нагряться первыми. Те же, кто остался, обосновались в основном к югу от Хуанхэ.

Уцелевшие аристократические семьи, влиятельные богачи и чиновники, выдвинутые ими или возвысившиеся в смуте, — этих трех сил было достаточно, чтобы доставить Армии Чжэньбэй немало хлопот. Путь предстоял трудный, но в этой сложности таилась и возможность.

Именно в хаосе рождался шанс разрушить устоявшийся порядок. Власть кланов над душами и бытом народа длилась слишком долго. Сяо Жун презирал их стремление заграбастать всё в свои закрома, пряча знания и богатства от мира до самой гробовой доски, лишь бы простому люду не досталось и крохи.

В окрестностях Гуанчэна жизнь забила ключом. На трактах то и дело встречались путники с узлами за плечами. Трусливые, бледнея, поспешно уступали дорогу войску, а те, кто посмелее, подбегали спросить, не грядет ли новая битва.

Узнав, что Чжэньбэй-ван переносит столицу, люди пребывали в сомнении: одних пугала близость войны, других прельщала защита, которую давал государь. Но стоило им услышать, что в обозе едет Сын Будды Мицзин, как всякие колебания исчезали. Они тут же подхватывали скарб и примыкали к толпам беженцев, идущих за армией.

Цюй Юньме:

— ...

Пока они были в горах, Великий ван о таком и не слыхивал, но стоило пересечь реку, как подобное стало случаться ежедневно. Сяо Жун, видя его озадаченное лицо, подавил смешок и с нежностью посмотрел на собеседника:

— В этом и кроется сила добродетели. Не нужно ни мечей, ни громких речей — лишь услышав имя праведника, народ готов следовать за ним. К слову, слышал ли Великий ван о Дунъян-ване Хэ Тинчжи? В его дворце живут две тысячи нахлебников-ученых, и каждый день к нему прибывают новые книжники. Полагаю, Дунъян-ван до конца дней не будет знать нужды в людях.

О том, сколько среди этих двух тысяч бездельников, Сяо Жун решил умолчать.

Цюй Юньме вскинул взгляд, явно недовольный словами юноши.

Отчего советник вечно хвалит при нем других? Сначала Сына Будды превозносил до небес, затем Сунь Жэньлуаню дал высочайшую оценку, а после и вовсе похвалил того мерзавца Хуан Яньцзюна. Разве может этот прохвост сравниться с ним? А теперь и вовсе нелепица: какой-то льстец Хэ Тинчжи оказался лучше него!

Всем было известно, что Дунъян-ван выслужил титул лестью. Он был правнуком основателя династии Хэ Куя, но его род еще при деде попал в опалу и был сослан в округ Цаньву. Хэ Куй не проявил милосердия, обрекая потомков на позор. Хэ Тинчжи в юности за что только ни брался, пока его красноречие не заметил старый даос. Тот признал его учеником, и хоть Хэ Тинчжи не принял постриг, он сменил имя с Хэ Тина на Хэ Тинчжи.

Наставник дал ему опору, а дальше он проложил путь лестью — от Цаньву до самого Цзиньляня. Не беги двор на юг, он бы и до Чанъани добрался. Когда император в страхе спасался бегством, все видели в нем труса, и лишь Хэ Тинчжи во всеуслышание заявил, что государь не имеет иного выбора, и долг каждого подданного — безропотно следовать за ним.

Эта лесть так усладила слух императора Гуанцзя, что он мгновенно снял с него клеймо преступника и пожаловал титул хоу. А когда государь занемог, он никого не желал видеть, кроме этого говоруна. Сунь Жэньлуань, видя, что льстец ни на что другое не способен, позволял ему вход в покои, но стоило императору преставиться, как маршал тут же выставил того вон. А чтобы подсластить пилюлю, даровал ему титул Дунъян-вана.

Звучало гордо, но на деле двор, желая обуздать амбиции ванов, дробил владения донельзя. Прежние титулы — Янь-ван, Хань-ван, Чжао-ван — сменились Дунъянами, Рунанями и Линьхаями. У каждого в подчинении был лишь один город, порой совсем крохотный.

Двадцать семь лет назад, при императоре Тайнине, когда множество ванов подняли мятеж, сразу двенадцать из них объявили о неповиновении. В прежние времена такое было немыслимо.

По этим дарам было ясно, как Сунь Жэньлуань относился к ним: титул Цюй Юньме был заслужен кровью, а титул Хэ Тинчжи — лишь откупной грамотой.

Сяо Жун с интересом слушал гневные речи вана. Он знал, что Цюй Юньме знаком с Хуан Яньцзюном, но не подозревал, что тот видел и Хэ Тинчжи. Оказалось, десять лет назад все они пересекались в императорском дворце Южной Юн.

«Неужели колесо судьбы связало вас всех столь давно?»

Поддавшись порыву, Сяо Жун спросил:

— Великий ван, а знаком ли вам Хань Лянжу?

Цюй Юньме на мгновение замер и с подозрением сощурился:

— А это еще кто?

Неужели еще один «герой», что лучше него?

Сяо Жун:

— ...

Похоже, не знаком.

Цюй Юньме косвенно погубит Сунь Жэньлуаня и самолично прикончит маленького императора. Хуан Яньцзюнь убьет Цюй Юньме, а Хэ Тинчжи доведет Хуан Яньцзюна до могилы.

Эта драма не закончится в один миг. Дунъян-ван выйдет победителем, взойдет на престол и будет править двадцать лет. Но никто и не догадывался, что в последние пять лет он станет марионеткой в руках даоса по имени Жуцин, чье мирское имя было Хань Лянжу.

Хань Лянжу будет помыкать каждым словом императора, а через пять лет заставит его отречься — но не в свою пользу, а в пользу собственного сына. Так падет династия Юн, и на трон взойдут Хани. Сам же Хань Лянжу, завершив дело, скроется из Цзиньлиня. Говорили, он прожил два столетия и вознесся на небеса.

Если отбросить мифы, этот человек стал истинным триумфатором. Сейчас ему должно быть немногим больше двадцати. Быть может, он уже где-то плетет свои сети.

Этот человек был даосом, но имел сына; то принимал обет, то возвращался к мирской жизни — монашество было для него лишь маской. Не зайти речь о Хэ Тинчжи, Сяо Жун не скоро бы о нем вспомнил. Но то, что государь уже столкнулся с остальными игроками, не давало юноше покоя.

Что, если Хань Лянжу уже начал свою партию?

Лишь когда Цюй Юньме окликнул его несколько раз, Сяо Жун пришел в себя.

— О чем вы спрашивали, Великий ван?

Цюй Юньме хмыкнул:

— О чем ты так задумался? Не о том ли Хань Лянжу? Тогда ответь мне, господин советник: кто, по-твоему, доблестнее — я или этот Хань?

Сяо Жун:

— ...

«Ну и вопросы ты задаешь! Почему бы тебе не спросить, кто из вас умнее?»

Криво усмехнувшись, юноша ответил:

— Хань Лянжу — лишь диковинный муж, о котором я слышал в странствиях. Хотя я и не видел его, уверен: ему не сравниться с Великим ваном.

Лицо Цюй Юньме слегка прояснилось, и Сяо Жун, куя железо, пока горячо, продолжил:

— В доблести нет равных Великому вану. Пред вами все люди — лишь слабые тени. А раз так, вам пристало быть великодушным. С теми, кто слабее вас, будьте учтивы и мягки в словах и делах. Лишь тогда они преисполнятся истинной благодарности.

Говоря это, Сяо Жун напустил на себя вид полнейшего благоговения и заговорщицки подмигнул. Не будь Цюй Юньме столь упрям, он бы наверняка поддался на эти уговоры.

Но в последнее мгновение Великий ван опомнился. Сяо Жун сказал, что все люди в мире слабы перед ним — значит, он должен быть учтив со всеми? С какой стати? Он — Чжэньбэй-ван, почему он должен любезничать с каждым встречным?!

Лицо Цюй Юньме мгновенно потемнело:

— Ты хочешь, чтобы я подражал Хэ Тинчжи?

Сяо Жун поспешно возразил:

— Учтивость — не значит лесть. Это... это верность долгу хозяина перед гостями. Я слышал от канцлера, что прежде Великий ван вполне справлялся с этим.

Цюй Юньме холодно усмехнулся:

— О да. И когда я следовал этому долгу, то обнаружил, как много в мире подлецов. Дашь им каплю ласки — они лезут на голову. Стоило мне быть чуть мягче, и Армию Чжэньбэй пришлось бы подносить им на блюдечке!

Сяо Жун:

— ...

«Это я-то преувеличиваю? Да за твоей фантазией на восьми конях не угонишься!»

Стараясь сохранять спокойствие, он произнес:

— Великий ван имеет в виду инспектора Цзиньнина? Его советы и впрямь были дурны, но он был лишь тщеславным глупцом. Он не мог заставить вас творить неуютное. Если вам претила его речь, стоило просто выставить его за порог. Зачем было рубить ему голову? С тех пор много ли книжников пришло к вам на службу? Неужто этот урок прошел даром?

Цюй Юньме отрезал:

— Если ты называешь уроком месть за обиду, то я его выучил накрепко. Подлец нашептывал мне гадости, испытывая мое терпение. С чего мне быть с ним учтивым? Таких лицемеров я буду карать беспощадно — сколько бы их ни явилось.

Сяо Жун осекся, не мигая глядя на Цюй Юньме.

В истории этот человек погиб именно из-за своей тяги «платить за обиду сторицей». Сейчас он не знал, к чему приведет его нрав, и потому бросался столь громкими словами.

Знай он, что не только сам падет, но и погубит всё войско и весь свой род — осмелился бы он на такие речи?

Беда была в том, что Сяо Жун и сам не знал ответа. А вдруг Цюй Юньме из тех, кто, видя стену перед собой, лишь сильнее разбегается, чтобы пробить её головой?

Юноша видел множество изъянов в характере вана, но об этом помалкивал. Не от забывчивости — он знал, что это самая смертоносная рана в его душе. Он не знал, как её исцелить, и потому не касался этой темы, боясь разбудить свой самый страшный кошмар.

Он боялся, что вспыльчивость правителя пустит прахом все его труды, погубит Великого вана, его самого и всех тех, кто стал ему дорог.

Но молчанием дела не поправишь. Нрав Цюй Юньме таков, что рано или поздно с ним придется столкнуться лицом к лицу.

Взгляд Сяо Жун был острым, как гвоздь, и Цюй Юньме понял, что юноша всерьез разгневан. Но Великий ван не привык отступать; он хладнокровно выдержал этот взгляд. В повозке воцарилась тяжелая тишина, пока советник не произнес:

— Гнилое дерево не поддается резьбе.

Цюй Юньме оторопел, и лицо его исказилось от ярости:

— Что ты сказал?

Сяо Жун заговорил быстро, чеканя каждое слово:

— Я сказал — гнилое дерево не поддается резьбе! Следовать минутному порыву — удел безмозглых вояк. Великий ван на каждом углу твердит, что хочет быть достойным правителем. Разве так поступает истинный ван? Тот, чье око не терпит и соринки, никогда не вместит в себя необъятный мир! Нет людей без изъяна. Неужто Великий ван намерен истребить всех живущих под небом? Если так — начните с меня!

Цюй Юньме:

— ...

Его лицо выражало крайнее изумление:

— Это же чистой воды вздор! Я лишь не терплю подлецов!

Сяо Жун разозлился еще сильнее:

— А кто решает, кто подлец, а кто муж благородный? Неужто тот, кто не мил вашему взору, — уже негодяй? Начинать резню лишь по прихоти одного человека... Знаете, как это зовется? Это зовется бессмысленной бойней!

Цюй Юньме тоже вспыхнул:

— Да, таков уж я! Неужто господин советник позабыл? А я вот помню, как в первую нашу встречу ты сам сказал, что я — тиран и кровожадный палач!

Сяо Жун горько рассмеялся:

— Прекрасно! Чудесно! «Кровожадный палач» — как удобно этими словами затыкать мне рот. Инспектор Цзиньнина лишь предложил нелепицу, и за это вы снесли ему голову. Сегодня я смею вам перечить — полагаю, мне и на погребение в целости рассчитывать не стоит. Как же Великий ван решит мою участь? Изрубит в лапшу или разотрет в прах?

На лбу правителя вздулись вены. Он прорычал:

— Сяо Жун, не переходи черту!

Но крик юноши был громче:

— Это я-то перехожу черту?! Раз жизнь и смерть зависят от ваших прихотей, то вот мой конец! Неужто и я — подлец? Неужто и я ищу лишь пустой славы? Я поставил на кон свою жизнь, и за одно лишь дерзкое слово моя голова должна пасть?!

Снаружи повозки люди в ужасе замерли. Даже Гао Сюньчжи высунулся из своей кареты; слыша, как спор заходит слишком далеко, он хотел было вмешаться, но Мицзин, сидевший в позе лотоса, остановил его жестом.

Голоса внутри соперничали в громкости. Монах чувствовал, что Великий ван не поднимет руки на юношу, и ему было любопытно, чем закончится эта буря.

Гао Сюньчжи хорошо знал нрав своего господина: раз тот еще спорит — значит, беды не случилось. Канцлер с тревогой приник к окну, но внезапно всё стихло.

Гао Сюньчжи:

«!!!»

«Великий ван, пощади Сяо Жуна!»

Он велел остановить колонну и бросился к повозке. Сердце его бешено колотилось. Рывком откинув полог, Гао Сюньчжи замер. Внутри не было крови — лишь сцена, от которой сжималось сердце.

Сяо Жун, бледный как полотно, бессильно откинулся на свою подушку из пуха. Он судорожно прижимал руку к груди, не в силах вымолвить ни слова. Цюй Юньме в растерянности замер подле него; он на коленях подобрался ближе, желая поддержать юношу, но тот из последних сил оттолкнул его руку.

В тот миг выражение лица правителя было точь-в-точь как у провинившегося пса: он хотел приласкаться к человеку, но тот лишь гнал его прочь.

Гао Сюньчжи:

— ...

Нахмурившись, он тут же велел позвать лекаря. Тот, коснувшись запястья пациента, вновь подумал, что этот юноша — проклятие всей его врачебной практики. Отчего каждый раз его пульс бьется по-новому?

Ничего не понимая, лекарь выдал обычные свои речи: сильное волнение, врожденная слабость, нужда в покое. Цюй Юньме лишь хмурился — он слышал это уже в четвертый раз.

Поскольку они были в пути, ван не мог устроить Сяо Жуна в покое. В порыве беспокойства он подхватил юношу на руки и быстрым шагом направился наружу.

Советник, борясь с приступом боли, оцепенел. Его подхватили бережно, как невесту. Прежде он сам всегда носил других, и не думал, что однажды и его понесут вот так. В бытность танцором он часто поднимал партнерш, и это было нелегко — после репетиций руки буквально отваливались.

Цюй Юньме же нес его, словно невесомое перышко. Сяо Жун отрешенно смотрел на его волевой подбородок, пока в голове не всплыл вопрос.

Это же главный тракт! Куда он его тащит при всех?!

Вскоре ответ нашелся.

Добежав до стоянки племени Бутэу, Великий ван в тревоге опустил его перед женщиной средних лет:

— Лоу, посмотри, что с ним!

Женщина как раз снимала с плеч узел. Услышав вана, она отложила вещи, присела и принялась ощупывать плечи и суставы юноши, а после заглянула ему в глаза.

Сяо Жун:

— ...

«Что вы творите?»

Он в полном недоумении сидел на траве, пока Лоу затараторила что-то на языке Бутэу своим

соплеменникам. Повернувшись, она велела:

— Переверни его.

Сяо Жун вздрогнул, но не успел и слова вымолвить, как Цюй Юньме послушно вытянул его ноги и, прижав за спину, заставил лечь ничком на землю.

Сяо Жун вскрикнул:

— Постойте! Что это значит? Мне уже лучше, всё прошло!

Правитель остался непреклонен и лишь бросил:

— Потерпи немного.

Сяо Жун:

— ...

«Чего терпеть?!»

И тут, под испуганным взглядом юноши, Агусэцзя подошла с круглой палкой в руках. Опустившись на колени подле него, она принялась «раскатывать» его от затылка до самых пяток, словно кусок теста.

Движения её были не просто надавливанием — это напоминало и скребковый массаж гуаша, и жесткую мануальную правку. У этих техник была одна общая черта: в первый раз это было нестерпимо больно.

Сяо Жун не переставал вскрикивать, но на помощь никто не спешил. Даже Гао Сюньчжи лишь молча наблюдал со стороны. Юй Шаосе тоже подошел к ним, и они негромко заговорили.

Юй Шаосе:

— В первый раз всегда так.

Гао Сюньчжи:

— Но стоит перетерпеть — и станет легче.

Юй Шаосе:

— Помнится, когда меня одолел кашель, канцлер упросил ученика этой почтенной госпожи помочь мне. Трех раз хватило, чтобы я исцелился.

Гао Сюньчжи вздохнул:

— Это так. Но тело А Жуна куда слабее твоего. Боюсь, ему придется пройти через это не раз.

Договорив, они оба замолчали и с искренним сочувствием посмотрели на Сяо Жуна, чей голос уже начал хрипеть.

Что ж, придется потерпеть...

<http://bllate.org/book/15355/1421994>